КОЗЬМА МИНИЧЪ СУХОРУКОЙ,

ИЗБРАННЫЙ ОТЪ ВСЕЯ ЗЕМЛИ РУССКІЯ ЧЕЛОВѢКЪ.

ЧТЕНІЕ

НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ

МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ, КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

Іюля 10го дня, 1833 года.

Сочиненіе

Николая Полеваго,

Совѣта Академіи и находящагося при оной Общества Любителей Коммерческихъ знаній, С.-Петербургской Академіи Наукъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ Члена, Московскаго купца и Кавалера.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1833.



Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюня 26 го дня, 1833 года.

Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

СОГРАЖДАНАМЪ, РУССКИМЪ КУПЦАМЪ,

НАСЛѢДНИКАМЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ и ЧЕСТИ

КОЗЬМЫ МИНИЧА

СУХОРУКАГО,

въ знакъ глубокаго почтенія

посвящаетъ

Николай Полевой.

„Буде намъ похотѣть помощй Московскому государству, и что намъ не пожалѣти животовъ своихъ; да не токмо животовъ своихъ — и дворы своя продавати, и женъ, и дѣтей закладывати." . . .

Сказалъ Козьма Миничъ, Посадскій Нижегородскій, Избранный отъ всея земли Русскія человѣкъ, въ 1612 году.

„Здѣсь лежитъ освободитель и избавитель Россіи." . . .

Сказалъ Петръ Великій, до земли поклонясь гробницѣ Посадскаго Нижегородскаго, Мая 30го дня 1722 года.

Вспомнимъ минувшія лѣта — *лѣта вѣчная помянемъ.*

Было страшное время для нашего Отечества — время слезъ и скорби, позора и поношенія. . . .

Судьбами неисповѣдимаго Промысла Божія кончился родъ Рурика: *послѣдній* Царь сего рода скончался на осиротѣломъ тронѣ предковъ; *послѣдняя отрасль* древнихъ Князей Варяжскихъ — отрокъ невинный, палъ подъ ножемъ убійцъ.

Изъ среды мятежнаго, крамольнаго сонма Царедворцевъ возсѣлъ на престолъ Царскій мужъ исполненный мудрости — *Борисъ Годуновъ.*

Хотите-ли знать судьбу его? Если посѣтите святую обитель Сергія, то подлѣ Троицкаго Собора вы увидите забвенную, вдавленную временемъ въ землю палатку: это гробница Годунова, супруги и дѣтей его. Близъ сей палатки поучитесь ничтожеству земнаго величія, и вспомните слова Царя Ѳеодора, сказанныя Годунову: »Ты хочешь быть властителемъ народа, и будешь, но — все суета!«

Пришлецъ, бродяга безвѣстный, заступилъ мѣсто Годунова — и Русская земля преклонилась — не предъ нимъ — преклонилась *предъ его именемъ:* онъ назвался потомкомъ древнихъ Царей Русскихъ, святымъ именемъ Царевича *Димитрія.*

И погибъ, когда сорвали съ него сіе святое имя!

Отселѣ настало время гибели. Внутри — крамола и безумное буйство страстей; извнѣ — жадная зависть и вѣроломная политика сосѣдей. И горнило испытанія вожжено было судьбами Бога — да

прейдетъ чрезъ него Русская земля, и явится, *яко злато въ горнилѣ искушенная.*

Честолюбивый старецъ, уклончивый слуга Бориса, поклонникъ, потомъ губитель Самозванца, Василій Шуйскій, едва подъявъ голову свою съ плахи палача, успѣлъ сѣсть на престолъ, куда не призывали его ни воля народа, ни превышающія другихъ достоинства. Въ странномъ ослѣпленіи честолюбія, онъ думалъ закрыть своею порфирою жерло огнедышущей горы, надъ которымъ поставилъ тронъ свой. И все возстало противъ него — и сосѣди Россіи, и царедворцы, и народъ.

Съ самаго начала политической самобытности Россійскаго Государства, половины XV столѣтія, началась борьба двухъ народовъ, отъ одного рода происшедшихъ, но различныхъ языкомъ, нравами, вѣрою правленіемъ. Одинъ изъ нихъ — *Польскій*, былъ отличенъ типомъ Западнаго образованія, духомъ Латинской церкви, страннымъ смѣшеніемъ формъ Республики и Монархіи въ правленіи; другой, *Русскій* — отличенный типомъ Азійско-Византійскаго образованія, духомъ Греческой церкви, особеннымъ Самодержавно-Аристократическимъ правленіемъ. Уже болѣе полутора вѣка шла сія борьба государствъ, при Іоаннѣ III, Василіи, Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ и Борисѣ; она была свирѣпа, кровава, непримирима. Поляки и Рускіе мѣшали другъ другу вдвинуться въ Европу. Поляки помнили, что они застали еще Русь полуварварскою рабою Монголовъ; что Олгерды и Витовты владѣли нѣкогда Русскими областями, едва не до самой Москвы; что неоднократно знамена Литовскія вѣялись подъ Москвою. Рускіе не прощали Польшѣ завладѣнія коренными областями Русскими: Галичемъ, Волынью, святымъ Кіевомъ, древнимъ Смоленскомъ; помнили, что Литва была нѣкогда сборищемъ дикихъ варваровъ, покорныхъ, хотя и враждебныхъ Руси; не прощали завоеваній, учиненныхъ при Олгердѣ и Гедиминѣ, союзовъ съ Монголами, притѣсненія Православной вѣры. Словомъ: вражда была вѣковая и *народная*, а вражда народная всегда бываетъ неистребима и страшна!

Польша видѣла наступившее для нея время рѣшенія этой народной вражды, этого вѣковаго спора. Въ самомъ дѣлѣ: *»теперь или »никогда«* — могъ сказать ей всякій, кто проникалъ въ сущность обстоятельствъ и тайны бытія народнаго.

Особенные случаи споспѣшествовали еще болѣе политической важности сихъ обстоятельствъ.

Съ древнѣйшихъ временъ, глава Латинской церкви, Папа не переставалъ постоянно обращать свое вниманіе на изысканіе средствъ подчинить себѣ Русскія земли. Все, что только могла изобрѣсть Итальянская политика, истощалъ для сего Римскій Первосвятитель, съ самаго обращенія Рускихъ въ Христіанскую вѣру, и еще прежде. Онъ грозилъ, обольщалъ, предлагалъ выгоды, уступалъ, и глубоко, постоянно хранилъ онъ мысль о преобладаніи Русскою церковью. Все было тщетно. Православіе Руское оставалось непоколебимо. Усилія Папы производили только непріязнь, ненависть. Имена: *Папежъ, Латинщикъ*, были именами враждебными. Тѣмъ сильнѣе однакожъ упорствовалъ Папа въ своихъ намѣреніяхъ съ тѣхъ поръ, когда власть его на Западѣ была подрыта въ основаніи. Политическое его могущество оспорили Властители Европы; громы Ватикана угасила Реформація. — Съ половины XVI вѣка, одно изъ важнѣйшихъ средствъ политическаго дѣйствія получили Папы въ установленіи ордена Іезуитовъ. Это духовное общество, раскинувшее сѣти изумительной политики во всѣхъ частяхъ свѣта, во дворцахъ и хижинахъ, приняло сильнѣйшее участіе и въ замыслахъ Папы на Россію. Оно совершенно возобладало въ сіе время Польшею — тамъ царствовали Іезуиты, а не Король.

Мнимымъ властителемъ Польши былъ съ 1587 года Сигизмундъ, Шведскій Принцъ, потомокъ Ягеллоновъ по матери, и потому избранный въ Короли Польскіе. Воспитанникъ Іезуитовъ, онъ изувѣрно ревновалъ распространенію Папской власти, и потерялъ Швецію, обращая народъ въ Католическую вѣру. Онъ положилъ начало и отпаденію отъ Польши Малороссіи, тирански принуждая Казаковъ согласиться на *Унію*,

или соединеніе церкви Греческой съ Латинскою, съ признаніемъ первенства Папской власти.

Нѣтъ сомнѣнія, что Самозванецъ былъ произведеніе Іезуитской политики. Едва погибъ онъ, какъ Іезуиты успѣли выставить втораго Самозванца, извѣстнаго подъ именемъ *Тушинскаго* (потому, что онъ стоялъ таборомъ своимъ, близь Москвы, въ селеніи *Тушинѣ*). Марина Мнишекъ, жена перваго Самозванца, забыла стыдъ и честь для вѣнца. Она бросилась въ объятія Тушинскаго Жида, ибо онъ обѣщалъ ей тронъ.

Таковъ былъ обширный, государственный вопросъ, который тяжко рѣшался для Россіи и Польши, отъ появленія Самозванца до воцаренія надъ Русскою землею Михаила Романова, въ теченіе 12 лѣтъ. Съ нимъ соединены были: сохраненіе Русской національности, возвеличеніе или униженіе одного изъ двухъ непримиримыхъ соперниковъ, политическое бытіе Россіи и неприкосновенность Православной Русской церкви. Маккіавель преклонилъ-бы колѣна, читая наставленія, какія давали тогда Самозванцамъ Іезуиты.

Они хотѣли покорности Россіи Папѣ, а не Польшѣ. Но когда явленіе втораго Самозванца не могло низринуть Шуйскаго, не смотря на огнь и мечъ, опустошавшіе Россію, мысль уже не новая — избрать на престолъ Россійскій сына Сигизмундова, *Владислава*, и обольстить слабаго Короля почестью его сыну, была приведена въ исполненіе. Объ этомъ шли тайные переговоры еще тогда, какъ Самозванецъ сидѣлъ на тронѣ Русскомъ. Человѣкъ ума необыкновеннаго, мужества испытаннаго, Гетманъ Жолкевскій вступилъ въ Россію. Самозванцевъ подкрѣпляли буйныя толпы Польской вольницы; Жолкевскій повелъ въ Россію правильное войско, по объявленіи настоящей войны. Но онъ шелъ, какъ сильный вождь дружинъ воинскихъ; дѣйствовалъ, какъ политикъ глубокомысленный. И чего не могли сдѣлать полтора столѣтія борьбы государственной, бѣдствія и ужасы крамолы и междоусобія, раздоры вельможъ, упадокъ народнаго духа, война опустошительная и гибельная, то сдѣлалъ Жол-

кевскій. Разгромивъ последнія силы Рускихъ и ихъ корыстолюбивыхъ союзниковъ, Шведовъ, онъ предложилъ Рускимъ спасеніе въ избраніи Владислава. Россія смирилась передъ умомъ его; изчезъ Самозванецъ; Шуйскій былъ низверженъ; Россія покорна.

Но она покорилась не Польшѣ, не Іезуитамъ, не Сигизмунду. Россія покорилась сыну Короля Польскаго, ибо онъ *обѣщалъ хранить ея православіе*, блюсти ея уставы, и быть ея Царемъ, какъ бывали прежніе Цари, опоры чести и доблести Отечества. Россія принимала Владислава, какъ сына, и готова была повиноваться любви его — но не мечу Польскому, не хитрости Іезуитской.

Не того хотѣли отъ Жолкевскаго Папа и Іезуиты. Бѣдное орудіе страстей, рабъ слѣпаго фанатизма, Сигизмундъ вмѣстѣ съ ними захотѣлъ уже рѣшительной гибели политической самобытности Руской. И онъ разрушилъ всѣ мудрыя начинанія Жолкевскаго. Россія опомнилась, и содрогнулась своей опасности. Тогда началась послѣдняя, отчаянная борьба, столько-же за бытіе народное, сколько за неприкосновенность церкви православной.

Безнадежна была для Россіи борьба сія; ужасно было состояніе земли Русской!

Уже нѣсколько лѣтъ Россія волновалась всѣми бѣдствіями войны междоусобной. Въ областяхъ ея, какъ въ необитаемой какой нибудь странѣ, свободно кочевали и скитались толпы грабителей. Народъ не зналъ кому повиноваться. Смоленскъ былъ въ рукахъ Польши; Новгородъ въ рукахъ Шведовъ. Самозванцевъ явилось нѣсколько. Одинъ городъ стоялъ за одного Самозванца, другой за другаго. Не было Царя, не было и мужей государственныхъ: одни находились въ плѣну Польскомъ; другіе предались Сигизмунду; третьи опозорили себя измѣною; нѣкоторые хотѣли только власти себѣ, и думали только о собственной корысти, не объ отчизнѣ. Москва занята была Поляками. Въ ихъ рукахъ находился и первосвятитель Русскій, Патрі-

архъ Ермогенъ. Не было ни войска, ни денегъ, и кто же могъ стать противъ сей казни Божіей, устоять среди сихъ бѣдствій и враговъ?

Взволновался народъ Московскій, и хотѣлъ начать истребленіемъ Поляковъ, въ Москвѣ находившихся; но нѣсколько ротъ Польскихъ разгромили безпорядочныя толпы его, зажгли Москву, и на мѣстѣ престольнаго града возникли груды пепла и развалинъ, среди коихъ возвышались одинокій, печальный Кремль и обгорѣлая стѣна Китая-города, занятые Поляками. Тщетно на развалинахъ Москвы сражался доблестный Князь **Пожарскій**; онъ палъ покрытый ранами, и былъ увезенъ въ свои помѣстья — безплодно оплакивать напрасный трудъ свой и гибель отчизны.

Казалось, что тогда пробудился духъ народный. Въ самомъ дѣлѣ, никѣмъ не руководствуемыя, собрались безобразныя толпы защитниковъ: *Князь Трубецкой*, получившій санъ Боярина отъ Тушинскаго Жида; *Ляпуновъ*, измѣнявшій всѣмъ партіямъ, и думавшій на развалинахъ Отечества быть вторымъ Годуновымъ; *Заруцкій*, атаманъ буйныхъ Казаковъ, сражавшихся изъ-добычи. Они пришли къ Москвѣ, стали вокругъ опаленнаго Кремля и стѣны Китая, стояли нѣсколько мѣсяцевъ, безпорядочно дрались съ осажденными Поляками, спорили, рѣзались между собою. Одинъ писалъ къ Шведамъ, и договаривался о томъ, что̀ дадутъ ему за избраніе на царство Шведскаго Принца; другой сносился съ Мариною, вдовою послѣ втораго презрѣннаго Самозванца, и хотѣлъ возвести на престолъ Русскій ея беззаконное исчадіе; третій присягалъ ничтожному обманщику, новому Самозванцу, явившемуся во Псковѣ. Воины буйствовали, грабили. Наконецъ Ляпуновъ былъ зарѣзанъ Казаками Заруцкаго; Поляки начали тѣснить и разбивать защитниковъ Отечества; голодъ, недостатокъ, болѣзни, измѣна терзали ихъ; Гетманъ Хоткевичъ, воинъ опытный и мужественный, дожидался только весны, чтобы усилить войско свое, и *разогнать Русскихъ мужиковъ* (какъ говорили Поляки). Тогда исчезла бы послѣд-

ная тѣнь спасенія Россіи, и, можетъ быть, обширныя предпріятія Іезуитовъ и изувѣрные замыслы Сигизмунда исполнились.

Гдѣ-же спаситель твой, земля Русская? Много еще билось горячихъ сердецъ Русскихъ; изъ многихъ еще очей лились слезы о бѣдствіяхъ отечества; много еще молитвъ возносилось къ Богу, да милосердуетъ Онъ о Русскомъ царствѣ. Но хладѣли уже сердца, высыхали слезы, и отчаяніе терзало сердца вѣрныхъ.

Въ Кремлѣ, въ плѣну Польскомъ, еще дышалъ старецъ, первосвятитель земли Русской, *Патріархъ Гермогенъ*: подъ мечами побѣдителей онъ мыслилъ только о спасеніи Россіи. Въ Нижегородской области, въ уединенной деревнѣ своей, на одрѣ болѣзни, былъ другой Русскій душею — *Князь Димитрій Пожарскій* — но что могъ онъ сдѣлать, одинъ, среди тысячи враговъ извнѣ и внутри? — Въ Троицкой обители, еще такъ недавно отразившей славнаго наѣздника Сапегу, существовали два благочестивые старца — *Архимандритъ Діонисій* и *Келарь Аврамій Палицынъ*, не щадившіе ни достоянія монастырскаго, ни жизни собственной для Отечества. Какъ часто, со слезами, думая о судьбѣ Москвы, восклицалъ Аврамій изъ глубины сердца: »Кто »не восплачетъ и не возрыдаетъ, и теплыхъ слезъ источники не про»ліетъ, если и каменносердеченъ и жестокосердъ, о великомъ семъ цар»ствующемъ градѣ, который прежде былъ толико высокъ, великъ и »прекрасенъ, любезенъ во очію зрящихъ его, и благочестивыми и вели»кими Царями царствуемъ и обладаемъ былъ; и не токмо крѣпкими и »высокими стѣнами, но и крѣпкими оруженосцами и храбрыми ратобор»цами и премудрыми мужами огражденъ былъ; паче-же Святыми церква»ми и многоцѣлебными мощами Святыхъ процвѣталъ, и молитвами ихъ, »отъ Вседержащаго укрѣпляемъ, возрасталъ, возвышался, и отъ мно»гихъ государствъ покланяемъ, богатствомъ, и многонароднымъ мно»жествомъ, и великимъ пространствомъ, не токмо въ Россіи, но и »въ ближнихъ и дальнихъ государствахъ прославляемъ и удивляемъ былъ, »какъ новый Римъ! И какъ, толико бывъ предивенъ, во единъ часъ

»палъ, огнемъ и мечемъ потребленный? Сбылось слово премудраго Со»ломона: *злодѣяніе и беззаконіе опровергаетъ престолы сильныхъ!«* — Но не однѣ щедпыя жалобы и сѣтованія наполняли душу Авраміл. Оттуда, гдѣ покоятся мощи Святаго старца, благословившаго Димитрія на великую побѣду, изъ обители Троицкой, отъ гроба Сергіева излетѣлъ первый гласъ спасенія, устами Аврамія произнесенный! Видя конечную гибель Русской земли, взирая на пепелище Москвы, унывая отъ безсилія ничтожныхъ защитниковъ, вокругъ Москвы собравшихся, Діонисій и Аврамій безпрерывно разсылали всюду по Россіи заклинательныя, молительныя граматы. »Люди Русскіе, Христіане православные!« — говорили Діонисій и Авраамій — »Бога ради, положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь! Знайте, что ко всякому дѣлу едино время надлежитъ; безвременное-же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ. Забудемъ всякое недовольствіе, отложимъ его, и пострадаемъ о единомъ — спасеніи Отечества. Смилуйтесь надъ видимою, смертною его погибелью, да не постигнетъ и васъ смерть лютая! Сами зрите близкую всѣхъ Христіанъ погибель. Чѣмъ не завладѣли враги, и чего не раззорили? Гдѣ наши святыя церкви? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все-ли до конца раззорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ нашъ народъ Христіанскій? Не всѣ-ли лютыми и горькими смертьми скончались? Гдѣ безчисленное во градахъ и селахъ населеніе? Не всѣ-ли безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены? Не пощадили враги престарѣвшихся возрастомъ, не сжалились на сосавшихъ млеко младенцевъ незлобивыя души — всѣ мы, всѣ испытали чашу ярости и гнѣва Божія!« —

Таковы были воззванія вѣрныхъ сыновъ Россіи, подъ иноческими ризами скрывавшихъ великія души, мыслившихъ только о спасеніи Отечества. Но сіи воззванія разлетались безотвѣтно. Плакали, читая ихъ, молились, и никто не являлся, вѣдая, что порывомъ на спасеніе отчизны умножитъ только число гибнущихъ безплодно. . . .

Тогда-то возсталъ *избранный отъ всея земли Русскія человѣкъ*. Это былъ — *Козьма Мининъ Сухорукой*. Отъ чего и какъ, въ душѣ незнатнаго, безсильнаго, безвѣстнаго человѣка вспыхиваетъ пламень, оживляющій души, скрѣпляющій воли, умиряющій умы? Какъ западаетъ въ душу такого человѣка высокая, божественная сила, когда ни прежде, ни послѣ, душа его не свѣтилась и не свѣтится огнемъ сей непреоборимой силы? Неразрѣшимая тайна Провидѣнія!

Знаемъ, что Козьма Мининъ былъ торговецъ въ Нижнемъ-Новгородѣ — онъ былъ *мясникъ*, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, отецъ взрослаго сына; былъ почтенъ за умъ и честность; бывалъ на службѣ Государевой; переносилъ нѣкогда труды воинскіе, и — только! Онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ. И этотъ человѣкъ захотѣлъ сдѣлать то, чего не сдѣлали ни святители, ни сановники, ни Цари, ни воины; захотѣлъ разрушить то, что уже десять лѣтъ устроивали политика Папы и Іезуитовъ, сила Польши, измѣна, хищеніе — возстановить Русское царство, вырвать Москву изъ рукъ враговъ, избрать Царя Отечеству, и *тяжкій жребій* Россіи перебросить на голову Польши! И этотъ человѣкъ и прежде и послѣ былъ безвѣстенъ — вся жизнь его отразилась въ *одномъ* годѣ, и всѣ остальные годы жизни его остались покрыты мракомъ безвѣстности! О, кто-же изъ насъ *за такой годъ* жизни не отдастъ всѣхъ лѣтъ долговременнаго бытія!

Не знаю поэзіи выше этого одного *свѣтлаго* года изъ многолѣтней жизни Минина; не знаю и краснорѣчія выше словъ, какія говорилъ онъ согражданамъ своимъ, когда они сошлись въ общіе круги между собою, читали грамоты Діонисія и Аврамія, плакали, и думали: нельзя-ли чѣмъ нибудь пособить государству православному? — »*Буде намъ похотѣть помощи Московскому государству*,« говорилъ Козьма Мининъ — »*и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ; да не токмо животовъ своихъ — и дворы своя продавати, и женъ и дѣтей закладывати*. — Слова его *были любы* гражданамъ; сердца разогрѣлись; начался живой говоръ народный. Мининъ

сдѣлался душею начала общаго дѣла, не смотря на свою незнатность, свое небогатство. Недоумѣвали: что дѣлать, и какъ имъ однимъ стать противъ враговъ? — »Сыщемъ себѣ доблестнаго человѣка« — говорилъ Мининъ — »закабалимъ ему себя головами, и пусть онъ предводитъ насъ *положить головы* за вѣру православную! За чѣмъ о побѣдѣ думаете?« — Но стать однимъ Нижегородцамъ? А средства? А деньги? — »Станемъ первѣе мы« — говорилъ Мининъ — »станемъ съ благословеніемъ Бога, и будетъ у насъ все, и люди и деньги!«

Необыкновенный умъ, обширныя государственныя способности мгновенно развились въ мясникѣ Нижегородскомъ, когда весь городъ взволновался, не слушалъ Воеводы, и народъ окружилъ Минина, требуя его совѣта и приказа. Тайно отъ согражданъ своихъ, Мининъ отправился въ деревню Нижній Ландехъ, гдѣ жилъ и лечился отъ тяжкихъ боевыхъ ранъ Князь Пожарскій. — О Русскіе люди! вообразите ту минуту, когда къ одру Пожарскаго явился Мининъ; когда въ лицѣ ихъ Дворянство и Купечество стало свои обѣты за Отечество; когда рѣчи Минина оживили Пожарскаго, когда Пожарскій подалъ ему дружескую десницу! Пожарскій былъ древняго Княжескаго рода, но не великъ чинами; Мининъ былъ честный Посадскій, но не богатъ. »Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!« говорили они. Души ихъ отозвались душѣ иноковъ Діонисія и Аврамія; слова Минина взволновали Нижній-Новгородъ; они оживили и Князя Пожарскаго. Москва! слышишь ли ты слова Пожарскаго? »Мужаемся и укрѣпимся о людяхъ нашихъ, и о градѣхъ Бога нашего, и Господь сотворитъ благое предъ очима своима!«

Мининъ спѣшилъ потомъ въ собраніе согражданъ. Предложивъ имъ прежде всего выбрать вождя достойнаго, онъ указалъ на Пожарскаго. Архимандритъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, Ѳеодосій, и лучшіе граждане отправились къ Пожарскому; сказали ему, что всѣ они готовы идти съ нимъ, и лечь костьми за Отечество; что всѣ жертвуютъ ему имѣніемъ, собою, дѣтьми. — »Стань за православную вѣру и за Московское государство!« воскликнули посланные, и поверглись

передъ Пожарскимъ. Онъ заплакалъ; обнялъ присланныхъ изъ Нижняго-Новгорода; говорилъ, что не пощадитъ живота; но что для такого великаго земскаго дѣла ему надобенъ добрый помощникъ, который-бы распоряжалъ казною и людьми, держалъ совѣтъ и судъ. »Изберите вы изъ среды своей такого человѣка« — говорилъ Пожарскій. — Печально подумали тогда посланные, и отвѣчали, что у нихъ такого человѣка нѣтъ. — »Слышалъ я« — сказалъ тогда Пожарскій, »что есть у васъ нѣкто Посадскій, Козьма Миничъ; онъ человѣкъ бывалый, служивый; ему то дѣло за обычай; изберите его!« — Есть у насъ Козьма Миничъ, и мы изберемъ его! — съ радостью воскликнули Нижегородцы. Поспѣшно воротились они, пересказали народу слова Пожарскаго, и предъ Мининымъ ударилъ челомъ Нижній-Новгородъ, да будетъ онъ товарищемъ Пожарскаго.

Мининъ зналъ, что не трудно воспламенить мгновенный порывъ великодушія въ человѣкѣ, но трудно поддержать его, особливо, когда узнаютъ всю обширность предпріятія, всю скорбь и тягость его. Легко начинать всякое, даже и великое дѣло, а трудно оканчивать даже и небольшія предпріятія. Онъ отговарился, граждане молили. Мининъ согласился, но потребовалъ приговора, по которому »быть имъ ему Козьмѣ во всѣмъ послушливымъ и покорнымъ, и если потребно будетъ взять ихъ всѣхъ, продать ихъ женъ и дѣтей.« На все согласились сограждане его, подписали приговоръ, и присягнули исполнять его. Минина назвали *Избраннымъ отъ всея земли Русскія человѣкомъ.* Онъ сдѣлался первымъ изъ своихъ сограждан, первымъ изъ гражданъ земли Русской. Къ нему понесли деньги и имѣніе. Мининъ отправилъ приговоръ къ Пожарскому, и звалъ его. Всюду полетѣла вѣсть о возстаніи Нижегородцевъ; отвсюду спѣшили ратники. Пожарскій явился въ Нижнемъ. Отсюда Мининъ и Пожарскій начали разсылать грамоты во всѣ города, и всюду имя *Пожарскаго* и *Минина* казалось вѣстью спасенія. »Въ »наше безгосударное время отдали мы души свои Богу« — писали они — »идите принять вѣнецъ нетлѣнный и спасти Отечество!« Смольяне,

убѣжавшіе въ Арзамасъ, Коломенцы, Рязанцы, жители Балахны, Юрьева, Кинешмы, Костромы, Плеса, Суздаля вооружились. Пожарскій и Мининъ совокупляли ихъ въ дружины, разсылали отряды очищать города, и пошли въ Ярославль, гдѣ учредили сборное мѣсто.

Увы! Мининъ право предчувствовалъ, что трудъ тяжкій ожидаетъ его въ исполненіи дѣла! Не всѣ горѣли одинакимъ усердіемъ къ отчизнѣ; много враговъ было великому дѣлу; закипѣли страсти, возникло честолюбіе, явилась робость. Но все уничтожилось передъ сильнымъ умомъ и твердою волею Минина.

Всего менѣе препятствовали Минину и Пожарскому Поляки. Шайки Литовскихъ удальцовъ, разсѣявшіяся послѣ Самозванцевъ повсюду, легко было разбить, или разогнать. Поляки, находившіеся въ Москвѣ, ждали защитниковъ Отечества на пепелищѣ Столицы — съ ними слѣдовало только сражаться въ смертномъ бою, побѣдить или погибнуть. Честный бой — вѣнецъ мученическій, или побѣда отъ руки Божіей. Только сія опасность грозила и отъ Хоткевича, ибо имя Владислава уже не привлекало къ нему измѣнниковъ. Сигизмундъ былъ не въ силахъ самъ пособить своему воеводѣ: Польша терзалась раздоромъ Короля съ вельможами, Уніятовъ и Католиковъ съ Православными. Еще прежде Сигизмундъ лишилъ Князя Пожарскаго помѣстьевъ, и указомъ своимъ отдалъ ихъ одному изъ Русскихъ измѣнниковъ, за то, говорилъ Король, что Князь Пожарскій, »отъѣхалъ съ Москвы въ воровскіе полки, и съ нашими Королевскими людьми бился въ тѣ поры, какъ на Москвѣ мужики измѣнили, и въ тѣ поры онъ на бою раненъ.« Но такое мщеніе было безсильно и ничтожно! Поляки, въ Москвѣ находившіеся, хотѣли уничтожить возстаніе силою религіи. Они требовали отъ Патріарха Ермогена, чтобы онъ властію своею запретилъ вооружаться на спасеніе Москвы. Мечи были устремлены на грудь святаго мужа. Но Ермогенъ смѣло отвѣтствовалъ Полякамъ и измѣнникамъ: »Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства. А вы, окаянные из-

мѣнники отечества, будьте прокляты!« Тщетно грозили ему смертію — Ермогенъ былъ непоколебимъ. Его томили голодомъ; слабое тѣло не перенесло — онъ скончался; но душа его была безстрашна передъ послѣднимъ часомъ, и преходя въ вѣчность, онъ молился за Минина, радовался грядущему спасенію Отечества!

Страшнѣе Польши была Швеція. Призванная на помощь Царемъ Василіемъ Шуйскимъ, Швеція предала Россію Польшѣ, вѣроломно захватила Новгородъ и сѣверныя области, и грозила идти на Москву.

Россія разсчиталась потомъ со всѣми. Петръ заплатилъ Швеціи съ лихвою за все, что записала она въ долгъ на скрижаляхъ прошедшаго. Но во времена Минина, правимая желѣзнорукимъ Густавомъ Адольфомъ, Швеція была страшна. Войско ея, бывшее въ Новгородѣ, предводимое храбрымъ Де-ла-Гардіемъ, могло въ одинъ походъ истребить полки Нижегородцевъ. Мининъ рѣшился увлечь Шведовъ и Де-ла-Гардія въ переговоры. Притворились, что хотятъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца, начали переговоры, проводили время; »А того у нихъ и въ умѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца.« Но хитрость удалась. Де-ла-Гардій позволилъ свободно идти къ Москвѣ и прогнать Поляковъ, думая, что Руские очищаютъ Кремль и тронъ для брата Густавова.

Страшнѣе Де-ла-Гардія были вожди Руских, мнимыхъ освободителей отчизны, стоявшихъ подъ Москвою. Князь Трубецкой требовалъ подчиненности Пожарскаго, и безъ того не шелъ въ союзъ съ нимъ; Заруцкій оказывалъ себя явнымъ врагомъ. Онъ посылалъ отряды грабить и отбивать обозы, занимать города. Наконецъ — послалъ убійцъ зарѣзать Пожарскаго. Богъ спасъ предводителя вѣрныхъ Русскихъ дружинъ. Въ тѣснотѣ народной, когда Пожарскій смотрѣлъ одинъ изъ отрядовъ, отправлявшихся подъ Москву, убійца кинулся на него съ ножемъ, промахнулся, и поразилъ товарища, который въ это время занялъ Пожарскаго разговоромъ, и держалъ его за руки. Ужасъ объялъ всѣхъ. Убійцу схватили, узнали

отъ него весь умыселъ, и народъ хотѣлъ растерзать его. Пожарскій спасъ ему жизнь. Напрасно думали Трубецкой и его товарищи обольстить Пожарскаго корыстью. Объявляя себя правителями государства, они сами себя награждали помѣстьями; прислали и къ Пожарскому жалованную грамату на богатыя помѣстья. »Будетъ законный Государь, и что положитъ ему Богъ на сердцѣ дать мнѣ, возьму, а отъ васъ ничего не возьму« — отвѣчалъ Пожарскій, и отвергъ жалованье.

Но и между самыми начальниками дружинъ Пожарскаго были несогласія и раздоры. Одни говорили, что Мининъ беретъ себѣ много воли; другіе не хотѣли слушаться самого Пожарскаго: онъ былъ *Окольничій*; многіе изъ воеводъ были *Бояре*. Доходило до ссоры; едва не обнажали мечей. Мининъ спѣшилъ призвать удалившагося на покой Ростовскаго Митрополита Кирилла, моля его снова принять санъ свой, и быть миротворцемъ вождей. Святитель оставилъ Троицкую обитель, гдѣ жилъ на покоѣ, и снова пріѣхалъ па паству. Словъ, бесѣдъ его устыдилась крамола.

Но конечное бѣдствіе составлялъ недостатокъ оружія, одежды, запасовъ, денегъ. Гдѣ и что могъ взять Мининъ? Всюду было разорено, опустошено, выжжено, и съ горестью видѣлъ онъ, что казны недостаетъ даже на прокормъ людей, нагихъ, беззащитныхъ, сбѣгавшихся къ нему отвсюду, и становившихся въ ряды. А чѣмъ было одѣть, вооружить, содержать войско, вести войну, которой окончаніе оставалось еще во власти Божіей? Пожарскій совершенно упалъ духомъ. Не скроемъ слабости великаго человѣка: онъ хотѣлъ забыть самого себя, препятствія, труды, и предался слабости, свойственной жителямъ Сѣвера. . . . . Войско не устроивалось, и тщетно Мининъ просилъ, умолялъ. Уже Трубецкой съ ужасомъ увѣдомлялъ, что Хоткевичъ идетъ подъ Москву съ набраннымъ, вновь устроеннымъ войскомъ, и что если не предупредятъ его прихода, бороться съ нимъ будетъ невозможно. Пожарскій не шелъ. Тогда самъ Аврамій поспѣшилъ въ Яро-

славль. Митрополитъ Кириллъ, Аврамій, Мининъ дѣйствовали неусыпно, убѣждали, умоляли. Пожарскій ожилъ снова, и войско двинулось наконецъ къ Москвѣ. Пожарскій поручилъ вести его Князю Хованскому и Минину, а самъ хотѣлъ укрѣпить душу молитвами при гробахъ родителей. Родовое кладбище его было въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ. Тамъ молился Пожарскій, пока Хованскій и Мининъ вели войско его.

Августа 1 го, 1612 г., войско пришло въ Троицко - Сергіевскую лавру. Здѣсь опять настало время медленія. Не было ни запасовъ, ни пороху, ни свинцу; голоса разнились. Заруцкій уже бѣжалъ тогда изъ-подъ Москвы, взялъ съ собою Марину Минишехъ, и какъ открытый врагъ грабилъ города; Трубецкой все еще спорилъ съ Пожарскимъ о правахъ, о власти. Уступить ему, значило уничтожить великое, столь далеко уже доведенное дѣло; противиться, значило разрознить дѣломъ; возбудить ссору, ненависть. Пожарскій страшился даже за жизнь свою: »Не убойся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити« — говорилъ ему Аврамій — »если и пострадаешь, и голову положишь, мученикъ будешь Господень!« — Но опасность близилась: Хоткевичъ спѣшилъ къ Москвѣ, по Смоленской дорогѣ. Рѣшились идти, предавъ будущее волѣ Божіей. Августа 18 го выстроились дружины Минина и Пожарскаго у святой Троицкой обители. Діонисій, Аврамій, Пожарскій, Мининъ, всѣ вожди преклонились у гроба Святаго Чудотворца Сергія; запѣли молебенъ; со слезами молились Чудотворцу, да спасетъ Россію, да благословитъ дѣло великое! При пѣніи: »*Спаси, Господи! люди твоя!*« Діонисій, Аврамій, иноки, съ образомъ Троицы, съ крестами и иконами, стали на горѣ Волкушѣ; войско пошло мимо ихъ, исполненное боязни: вѣтеръ дулъ ему прямо отъ Москвы, въ лицо, противный; сердца унывали. Но едва тронулось войско и священники стали кропить проходящихъ святою водою, едва заколебались святыя хоругви полковъ, вѣтеръ обратился на Москву. »Съ нами Богъ!« восклицали дружины — »Святый Сергій помощникъ нашъ!«

О святыя воспоминанія времень минувшихъ, зрѣлище, умилительное сердцу Русскому! Послѣдняя надежда Россіи шла на побѣду, или смерть! Кто собралъ, кто предводилъ ихъ, сіи, едва одѣтыя, едва вооруженныя толпы? Кто опишетъ намъ и чувства ваши, Мининъ, Пожарскій, Аврамій! когда вы увидѣли пожарище Московское, и среди его кое-гдѣ разбросанные шалаши табора Трубецкаго, и обгорѣлую стѣну Китая, и златоглавый Кремль, какъ дряхлаго старца, стоящаго среди опустошенія и развалинъ, въ плѣну враговъ!

Князь Туренинъ, посланный впередъ, занялъ мѣсто у *Пречистенскихъ* воротъ, тогда называвшихся *Чертольскими*. Отсюда велѣно ему было устроивать валъ къ Тверскимъ воротамъ. Пожарскій остановилъ войско свое на Яузѣ, не дошедъ за нѣсколько верстъ до Москвы, и 20го Августа, рано утромъ повелъ его къ Москвѣ. Трубецкой и его товарищи встрѣтили Пожарскаго съ изъявленіемъ радости. Искренности не было. Воины Трубецкаго, привыкшіе къ своеволію, безчинству, завистливо смотрѣли на новыхъ пришельцевъ. Трубецкой не могъ понять уваженія, какое всѣ оказывали Минину. Пожарскій рѣшительно не согласился соединить полки. Трубецкой оскорбился. Изъ его табора смотрѣли непріязненно на таборъ Пожарскаго, который не велѣлъ переходить Москвы рѣки, и разставилъ войска по Арбату, Пречистенкѣ, и за стѣною Бѣлаго, или Царева города. Когда еще горделиво пришли къ Москвѣ Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій, они заняли тогда мѣста отъ Яузы до Тверскихъ воротъ — Ляпунова и Заруцкаго уже не было, но Трубецкой кочевалъ съ своими толпами въ старомъ полуопустошенномъ таборѣ.

Общая опасность должна была соединить всѣхъ въ битвѣ. Только однимъ днемъ Пожарскій предупредилъ Хоткевича. Воинскіе клики, пыльныя облака на Поклонной горѣ, звукъ бубновъ и стукъ оружія, возвѣстили приходъ Гетмана, и на другой день, неутомимый Гетманъ повелъ въ битву полки свои. Они пошли къ Сѣтуни, на Воробьевы горы. Трубецкой взялъ на себя защиту Замоскворѣчья, и разставилъ пол-

ки отъ Донскаго монастыря къ Крымскому броду. Но Хоткевичъ двинулся не на него — надобно было сломить свѣжія дружины Пожарскаго. Августа 22 го, Гетманъ переправилъ войско подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, и конница его ринулась по Дѣвичьему полю; загремѣли пушки; жестокій бой завязался. Изъ Кремля въ то же время сдѣлана была вылазка; ее отбили. Но трудно было отбить яростное нападеніе Хоткевича. До захожденія солнечнаго не переставалъ бой. Полки Пожарскаго ослабѣвали. Трубецкой не двигался на помощь. »Богаты изъ Ярославля пришли; сами отстоятся!« говорили воины его. Наканунѣ еще, Пожарскій далъ Трубецкому пять сотъ отборныхъ своихъ воиновъ, съ тѣмъ, чтобы ударить съ ними въ бокъ непріятелю. Видя гибель товарищей, отрядъ Пожарскаго просился на битву. Ихъ не пускали. Уже непріятель обходилъ Пожарскаго, и смялъ отрядъ его у Тверскихъ воротъ. Пожарскій велѣлъ конникамъ спѣшиться, отступать. Храбрый Войцехъ Залѣсскій думалъ, что Руские бѣгутъ, бросился за ними, былъ отрѣзанъ, палъ сражаясь, и разстроилъ ряды Польскіе. Неожиданная помощь довершила пораженіе: пять сотъ воиновъ Пожарскаго не хотѣли ждать болѣе, и самовольно кинулись въ бой. Примѣръ ихъ увлекъ и воиновъ Трубецкаго: Казацкіе Атаманы Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ поскакали въ битву. Напрасно останавливали ихъ. »Отъ вашей между собою нелюбви, ратнымъ людямъ пагуба становится!« отвѣчали Атаманы, и врѣзались въ полки непріятельскіе. Поляки дрогнули и побѣжали. Настала ночь, и разлучила сражавшихся. Хоткевичъ собралъ бѣгущихъ, переправилъ всѣхъ своихъ воиновъ опять за Москву рѣку, и сталъ по Сѣтуни и на Воробьевыхъ горахъ.

Трубецкой безпечно убрался въ свой таборъ; воины его не предупредили и того, что между ними ночью пробралось въ Кремль 600 Польскихъ всадниковъ. Хоткевичъ объяснилъ осажденнымъ, черезъ начальника сего отряда, планъ новаго нападенія. Поляки двигались по берегу Москвы рѣки, и переходили на Калужскую и Серпуховскую дороги.

Хоткевичъ велъ съ собою большіе обозы запасовъ, надѣялся сбить Трубецкаго, открыть сообщеніе съ Кремлемъ, и ввести туда обозъ, ибо въ Кремлѣ чувствовали великій недостатокъ. И съ Русской стороны цѣлый день готовились къ новому бою. Пожарскій и Трубецкой казались теперь друзьями. Погибель равно угрожала всѣмъ. Хоткевичъ хотѣлъ освободить Кремль изъ-за Москвы рѣки. Отъ Донскаго монастыря наскоро насыпали земляной валъ. Тутъ стала конница Трубецкаго. Пространство далѣе къ Кремлю укрѣпили небольшими острожками, или крѣпостцами: одинъ изъ нихъ былъ у церкви Св. Екатерины на Ордынкѣ; другой у церкви Св. Климента на Пятницкой; третій у церкви Св. Георгія въ Яндовахъ, на берегу Москвы рѣки. Ихъ защищало войско Трубецкаго. Конница Пожарскаго протянулась отъ Пятницкой, и далѣе къ Москвѣ рѣкѣ, гдѣ сталъ самъ Пожарскій, съ пѣхотою, а пѣхота Трубецкаго стояла отъ Москвы рѣки въ Малыхъ Лужникахъ, и далѣе къ Ордынкѣ. Непріятель не двигался цѣлый день. Пожарскій приказалъ между тѣмъ погребать тѣла убитыхъ въ прежней битвѣ.

Августа 24 го — день незабвенный въ Исторіи нашей тѣмъ, что ровно черезъ 200 лѣтъ потомъ онъ былъ ознаменованъ началомъ *Бородинской* битвы — рано утромъ завязался бой. Изъ Китая-города выступили Поляки, перешли черезъ Москву рѣку, ударили на острожекъ при церкви Георгія въ Яндовахъ, и заняли его. Пока продолжалось смятеніе отъ сей неожиданной вылазки, изъ-подъ Донскаго монастыря выступилъ Гетманъ. Правымъ крыломъ его начальствовали Станиславъ Конецпольскій и Атаманъ Шиштай; въ срединѣ, конницею храбрый Сборовскій, пѣхотою Невѣровскій и Граевскій, лѣвымъ крыломъ Вазичинскій и Корецкій. Трубецкой не выдержалъ дружнаго нападенія конницы Польской; конница его побѣжала, и привела въ смятеніе Пожарскаго конницу. Пожарскій подкрѣпилъ своихъ пѣхотою. Но Сборовскій несся вихремъ, все низпровергъ, гналъ бѣгущихъ, втопталъ ихъ въ Москву рѣку. Пожарскій самъ бросился въ битву; пѣхота его сомкнулась, налегла усильно; Поляковъ погнали.

Хоткевичъ ринулся въ пыль боя кроваваго, и лично повелъ свою пѣхоту. Рукопашная битва сдѣлалась смертельная; дрались съ остервененіемъ. Уже сраженіе продолжалось около шести часовъ, и никто не уступалъ. Но Хоткевичъ безпрерывно выигрывалъ храбростью и устройствомъ. Острожекъ Климентовскій стѣснили отвсюду. Сидѣвшіе въ немъ бросили его и побѣжали. Съ радостнымъ кликомъ ворвались туда непріятели. Но едва увидѣли Руские Польское знамя, развѣвающееся въ укрѣпленіи, воротились, пошли на приступъ; Кропивнецкій держалъ Польское знамя, и палъ защищая его. Битва сдѣлалась наконецъ безпорядочнымъ побоищемъ. Сражались вдругъ во многихъ мѣстахъ. Гетманъ укрѣпился на Ордынкѣ; безпорядокъ битвы умножали еще обозы съ запасами, которые Поляки старались провезти въ Кремль. Главный натискъ непріятеля выдерживалъ Пожарскій. Войско Трубецкаго не хотѣло сражаться болѣе, отступало влѣво отъ Пятницкой, спѣшило переправляться черезъ Москву рѣку. Въ отчаяніи прислалъ Пожарскій въ таборъ свой — вывести послѣднихъ воиновъ. Тутъ на горѣ, у Ильи Обыденнаго, была главная его ставка. Передъ нею собралось Духовенство и находился Аврамій. На налояхъ и въ кіотахъ поставлены были тутъ образа Св. Троицы, Богоматери, Св. Сергія и Никона. Духовенство непрестанно отправляло молебное пѣніе; молилось со слезами, и съ трепетомъ смотрѣло на обширное Замоскворѣчье, гдѣ въ виду его рѣшалась участь Русской земли, и братья проливали кровь за Отечество. Среди обширныхъ пустырей, заросшихъ высокою травою, и при Климентовскомъ острожкѣ, стояли еще воины Трубецкаго; Пожарскій отбивалъ непріятеля отъ Москвы рѣки, и не пропускалъ обозовъ въ Кремль. Но непріятель совершенно очистилъ уже все пространство отъ Ордынки къ Крымскому броду, и поставилъ тамъ, подлѣ моста, сильный отрядъ. Главное войско Трубецкаго было совершенно сбито вправо, и переходило за Москву рѣку, въ Таганку. Въ пыли, въ дыму, то скрывались, то являлись сражавшіеся. Присланный за послѣднимъ войскомъ былъ Князь Димитрій

Петровичъ Пожарскій-Лопата. Онъ обратился поспѣшно къ Аврамію, и сказалъ, что его зоветъ къ себѣ Князь Пожарскій. Аврамій не побоялся идти въ пылъ битвы, и сопровождаемый воинами спѣшилъ къ изнемогавшему вождю Русскихъ дружинъ. Онъ увидѣлъ его и Минина среди жаркаго, отчаяннаго боя. »Отецъ Аврамій! погибаемъ« — возопилъ Пожарскій — »смотри: Трубецкой отступаетъ — иди къ нему, ради Бога — моли, да вспомнятъ воины его страхъ Божій и клятву свою!« Аврамій не слушалъ ничего болѣе, забылъ старость, не страшился смерти; пошелъ поспѣшно, и прежде всего настигъ смятенныя толпы воиновъ Трубецкаго, еще державшіяся на Пятницкой, »Дѣти!« воскликнулъ онъ — »люди православные, люди Руские! остановитесь. — Не вы-ли начали дѣло доброе, не вы-ли первые пришли подъ Москву, стали за отчизну, стали за вѣру православную, и терпѣли раны, голодъ, наготу, и прослыли въ иныхъ земляхъ храбростію и мужествомъ? Нынѣ-ли, братія, добрыя начатія свои погубить хотите?« — Слезы прерывали слова старца. Мятежные воины остановились; многіе изъ нихъ заплакали, клялись, что готовы умереть, и не возвратятся безъ побѣды. »Восклицайте-же братія: *Сергій!* и узрите славу Божію!« — говорилъ имъ Аврамій. Съ кликомъ: *Сергій, Сергій!* воины устремились на врага. Еще большую толпу войска Аврамій встрѣтилъ на берегу Москвы рѣки, въ Садовникахъ. Его слова, его слезы были красноречивы. »Поспѣшимъ, братья, пострадать за имя Божіе и православную вѣру!« воскликнули всѣ, и ринулись поспѣшно въ новый бой. Услыша кликъ: *Сергій, Сергій!* — толпы, стоявшие уже за Москвою рѣкою, у церкви Св. Никиты на горѣ, бросились за товарищами, не дожидаясь Аврамія, и спѣшили вплавь и черезъ мостъ. »Сергій! Сергій!« восклицалъ только Аврамій, съ радостью видя поспѣшное обращеніе всего войска. »Сергій!« гремѣло ему въ отвѣтъ. Аврамій, едва не смятый на лавахъ, устроенныхъ черезъ рѣку, перешелъ въ самые таборы Трубецкаго, нашелъ тамъ множество воиновъ — одни отдыхали, другіе пили, иные играли въ зернь. Сѣдовласый инокъ казался имъ совѣстью упрекающею. Ударили

въ набатъ — весь таборъ поднялся — кликъ: *Сергій! Сергій!* раздался повсюду. Тогда начался бой рѣшительный, и ничто не могло устоять. Еще Хоткевичъ, не щадя себя, удерживалъ поле, одушевлялъ своимъ примѣромъ, но — Мининъ рѣшилъ побѣду! Во все время битвы, онъ стоялъ подлѣ Пожарскаго, и самъ сражался неутомимо, безстрашно. Видя неожиданное спасеніе отъ помощи Трубецкаго, Мининъ просилъ дать ему отрядъ отдѣльный. »Бери кого хочешь!« отвѣчалъ Пожарскій. Мининъ взялъ три конныя дворянскія роты, съ Ротмистромъ Хмѣлевскимъ, перешелъ съ ними за Москву рѣку, и съ Остоженки ударилъ быстро на Крымскій бродъ. Непріятель, стоявшій тутъ, думалъ, что пришла новая помощь, и побѣжалъ. Пожарскій отъ стороны Кремля, Трубецкой отъ Таганки, Мининъ отъ Крымскаго брода шли среди смятенія и пальбы, восклицая: *Сергій! Сергій!* — Все пало, или предалось бѣгу предъ ними. Хоткевичъ ускакалъ поспѣшно, и велѣлъ собираться на Воробьевыхъ горахъ; пушки, обозы, знамена Польскія достались побѣдителямъ. Въ бѣшенствѣ битвы, воины хотѣли гнаться за врагами, но сближалась ночь. »Въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей!« сказали вожди, остановили воиновъ, и только велѣли палить изъ пушекъ. Гетманъ слышалъ пальбу, не смѣлъ дожидаться нападенія, и въ ночь пустился по Смоленской дорогѣ. На другой день не было слѣда вражескаго близъ Москвы.

Такъ совершилась сія битва, положившая основаніе спасенію Россіи. Минина голосъ первый возвѣстилъ избавленіе Отечества — мечь его рѣшилъ битву спасенія 24-го Августа 1612 года.

Не будемъ описывать происходившаго за тѣмъ. Послѣ битвы Замоскворѣцкой, Россія была уже избавлена, и подвигъ Минина совершенъ. Великій человѣкъ сей опять сдѣлался прежнимъ безвѣстнымъ Посадскимъ Нижняго-Новгорода. Послѣдствія извѣстны: не смотря на несогласія, продолжавшіяся между главными вождями и войсками ихъ, слухъ о походѣ Короля Польскаго подъ Москву заставилъ ихъ взять приступомъ Китай-городъ, 22 го Октября 1612 года. Доведенные

голодомъ до неслыханной крайности, Поляки сначала выслали изъ Кремля всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ. Въ числѣ ихъ было много знатнѣйшихъ людей — былъ и юный Михаилъ съ матерью. Она и онъ спѣшили удалиться въ Костромской Ипатьевскій монастырь. Думалъ-ли тогда юный Романовъ, что онъ возвратится въ Кремль, это мѣсто горестнаго плѣна своего — принять вѣнецъ Царскій! Вскорѣ Кремль сдали Рускимъ. Съ ужасомъ видѣли спасители Отечества позоръ и поруганіе святыни Кремлевской, и разослали повсюду грамоты, вызывая Россіянъ на избраніе Царя. *Земскій Совѣтъ* собрался въ Москвѣ въ началѣ 1613 года, и Февраля 21 го Михаилъ былъ избранъ на царство Русское. Судьба земли Русской была передана въ его руки, и Богъ благословилъ всѣ начинанія и дѣла Царя благочестиваго.

Мининъ уже не участвовалъ ни въ какихъ государственныхъ дѣлахъ. Имя его не упоминалось даже и въ грамотахъ и распоряженіяхъ Земскаго Совѣта. Говорили только о Трубецкомъ и Пожарскомъ. Онъ не подписалъ и грамоты избирательной, сего достопамятнаго акта, коимъ утверждено благоденствіе земли Русской. Отъ Нижняго-Новгорода были присланы на *Земскій Совѣтъ* другіе Нижегородцы; но Михаилъ умѣлъ оцѣнить подвигъ Козьмы Минина. Въ грамотѣ избирательной, подлѣ именъ Трубецкаго и Пожарскаго, торжественно было вписано и его имя — »Выборнаго человѣка *отъ* всего Московскаго государства Козьмы Минина.« Въ день Царскаго вѣнчанія, возводя Пожарскаго въ санъ Боярина, Михаилъ почтилъ и Минина саномъ *Думнаго Дворянина*. Такъ называлось тогда особенное званіе людей, допускаемыхъ въ Думу Царскую не по роду, не по званію, но по уваженію Царя. При Михаилѣ было Думныхъ Дворянъ только двое: *Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ* и *Козьма Мининъ*. Но Мининъ не участвовалъ въ Думѣ Царской. Чего еще ему надобно было ожидать? Прежній порядокъ возстановился; довольно было у Царя совѣтниковъ и безъ него. Мининъ отрекся отъ суеты Дворской, и удалился въ Нижній-Новгородъ. Государь опредѣлилъ ему де-

нежнаго оклада по 200 руб. въ годъ. Черезъ четыре года послѣ спасенія Москвы, въ 1616 году, мирно скончался Козьма Миничъ Сухорукой, Избранный отъ всея земли Русскія человѣкъ. Его оплакали добрые сограждане, и похоронили въ Соборномъ Нижегородскомъ храмѣ Преображенія Господня. Тамъ покоится и сынъ его Меѳодій. Родъ Минина пресѣкся. На вселенскихъ паннихидахъ въ семъ древнемъ храмѣ донынѣ провозглашается ему и сыну его вѣчная память.

И нескончаемая память Минина пережила вѣка, перейдетъ въ потомство отдаленное, и звѣздою свѣтлою всегда засіяетъ надъ Русскою землею, съ именами Пожарскаго и Аврамія!

Простите мнѣ, ММ. ГГ., простое изложеніе жизни Козьмы Минина, и отнесите къ моему неискуству, если я не успѣлъ возбудить участія вашего. Воспоминаніе о Mининѣ — что можетъ быть достойнѣе вниманія вашего, ММ. ГГ., въ семъ храмѣ просвѣщенія, воздвигнутомъ Гражданами Русскими для юныхъ дѣтей своихъ, достойнѣе и вниманія юношей, воспитывающихся въ Московской Коммерческой Академіи? Нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ теперь Академію. Провожая ихъ искренними желаніями добра, счастливымъ буду, если недостаточное изображеніе великаго Гражданина, будетъ для нихъ памятно тѣмъ, что его слышали они въ день вступленія своего въ свѣтъ. Я почиталъ недостойнымъ памяти Минина всякое украшеніе ораторское — и просто *пересказалъ* только, что сохранили о Mининѣ преданія отцовъ нашихъ. Mининъ не искалъ славы, жилъ и умеръ въ безвѣстности. Да не дерзнетъ-же суетное краснорѣчіе тщеславно мыслить, что оно можетъ возвеличить память его цвѣтами витійства. Хранить воспоминаніе о Mининѣ въ душѣ своей, видѣть въ немъ примѣръ для жизни гражданина, поучаться симъ примѣромъ — вотъ что Русскіе Граждане передавали изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, и что мы передадимъ дѣтямъ нашимъ. Таковъ обѣтъ нашъ тебѣ, тѣнь

4*

великаго Гражданина Русскаго! — И какими священными воспоминаніями укрѣпленъ для насъ сей обѣтъ! Съ нимъ соединяются имя Петра Великаго и Александра Благословеннаго.

Вспомнимъ, Сограждане, что черезъ сто десять лѣтъ послѣ смерти Минина, когда Петръ Великій двинулъ Свои войска за Кавказъ — Мая 30-го 1722 года, Онъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и праздновалъ тамъ достопамятный день Своего рожденія. Онъ слушалъ литургію въ Нижегородскомъ Соборѣ, и послѣ того первый вопросъ Его былъ: »Гдѣ гробница Козьмы Минина?« Архіерей привелъ Его къ сей смиренной гробницѣ. Какое благоговѣніе объяло всѣ сердца, когда Повелитель Россіи преклонилъ колѣна, и въ землю поклонился останкамъ мясника Нижегородскаго! Указывая потомъ рукою на гробницу Минина, Петръ произнесъ: »*Здѣсь лежитъ освободитель и избавитель Россіи!*«

Пролетѣло еще столѣтіе славы Русской. На тронѣ Россіи возсѣдалъ Александръ, побѣдитель Запада. Надобно-ли мнѣ напоминать вамъ, ММ. ГГ., тотъ торжественный день, коего многіе изъ васъ были свидѣтелями, тотъ день, когда среди сонма воиновъ, увѣнчанныхъ лаврами побѣды, и безчисленнаго стеченія народнаго, взорамъ обитателей Москвы открылись исполинскія, несокрушаемыя изваянія спасителей отчизны, и со слезами умиленія они увидѣли на подножіи памятника слова: »*Гражданину Минину и Князю Пожарскому благодарная Россія!...*« Кто изъ насъ не благоговѣетъ предъ симъ памятникомъ чести гражданской? Я самъ видалъ Русскихъ людей, плачущихъ у сего изображенія мясника Нижегородскаго и доблестнаго товарища его. . . . Такія слезы суть перлы, коими любовь народная и честь гражданская унизываютъ порфиру Царей Русскихъ. Мыслъ о Мининѣ неразлучна съ мыслію: Цари Русскіе умѣютъ чтить доблесть гражданскую. . . .

Они умѣютъ чтить ее — и вы, граждане Москвы, наслѣдники добродѣтелей Минина! давно-ли еще были вы свидѣтелями, сколь высоко умѣютъ цѣнить добродѣтели и заслуги гражданъ Великіе Цари Русскіе? Вы, со слезами, пересказывали намъ, какъ на берегахъ Невы,

безъ различія состояній и званій, вы радушно призваны были въ чертоги Властителя Русской земли; видѣли въ НЕМЪ привѣтливаго хозяина, добраго семьянина, и ОНЪ первый за здравіе ваше подняль Русскую заздравную чашу! ЦАРЬ и подданные сливались любовью сердецъ: подданные забыли, что предъ ними Тотъ, Кто словомъ СВОИМЪ можетъ рѣшать судьбу царствъ и народовъ; ЦАРЬ видѣлъ въ нихъ дѣтей. . . . Сограждане! велика та земля, гдѣ граждане Минины, сановники Пожарскіе, пастыри душъ Авраміи, и гдѣ Цари Михаилы, Петры, Александры и НИКОЛАИ! Но такова Россія. Мы клянемся ТЕБѢ, ЦАРЬ Православный, что по одному слову ТВОЕМУ, мы, подобно Минину, готовы воскликнуть: »Буде намъ похотѣть помощи Отечеству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ — да не токмо животовъ своихъ, и дворы своя продавати, и женъ и дѣтей своихъ закладывати« — мы клянемся ТЕБѢ Русскою душею, а Русская душа неизмѣнна.

